

МЕЖДУНАРОДНАЯ БОРЬБА С ПРЕСТУПНОСТЬЮ

О проблематике терроризма в контексте прав человека

*Лукьянцев Г.Е.**

Рассмотрение проблемы терроризма в контексте прав человека привлекает в последние годы большое внимание как у нас в стране, так и за рубежом. Достаточно сказать, что в главном правозащитном органе системы ООН – Комиссии ООН по правам человека – из года в год принимаются три резолюции по этому вопросу: «Права человека и терроризм» (вплоть до последней сессии Комиссии вносилась Турцией, а в 2001 году основным автором выступил Алжир), «Использование наемников как средство нарушения прав человека и противодействия осуществлению права народов на самоопределение» (автор – Куба) и «Захват заложников» (вносится Россией)¹.

Кроме того, дополнительный интерес к данной теме вызван тем фактом, что ряд стран ведет активную борьбу с различными проявлениями терроризма на своей территории. Наиболее яркий пример – контртеррористическая операция в Чеченской Республике Российской Федерации. Причем здесь рассматриваемая проблема как бы раздваивается. С одной стороны, на различных правозащитных форумах к данной категории государств обращается огромное число призывов соблюдать в ходе борьбы с терроризмом свои международные обязательства в области защиты прав и свобод человека. Тезис, прямо скажем, бесспорный. С другой стороны, осуществляющие контртеррористические операции государства сами нередко ссылаются на то, что одной из главных причин подобных операций являются грубые наруше-

* Лукьянцев Григорий Евгеньевич – к.ю.н., второй секретарь ДСПЧ МИД России.

¹ Следует отметить, что Российская Федерация также является соавтором алжирского и кубинского текстов.

ния прав человека, совершаемые террористами и террористическими группировками в отношении лиц, находящихся под юрисдикцией этих государств. Отсюда делается вывод о том, что государства вынуждены защищать таких лиц от действий террористов. А вот эта идея – нарушение террористами правозащитных стандартов – зачастую вызывает споры и сомнения. Почему – рассмотрим далее в настоящей статье.

По мнению автора данной работы, события 11 сентября 2001 года в США должны придать новый импульс обсуждению взаимосвязи между терроризмом и правами человека, в частности в рамках той же Комиссии ООН по правам человека. Причем нельзя исключать, что ряд государств изменит свои взгляды на многие ключевые аспекты нынешних споров. В пользу этого говорит хотя бы то, что после террористических актов в Нью-Йорке и Вашингтоне лидеры значительного числа государств заявили о том, что своими действиями террористы нарушили ряд основополагающих прав и свобод человека, в частности право на жизнь. Безусловно, такого рода оценки были даны во многом под влиянием эмоций, без проведения анализа проблемы и просчета возможных юридических последствий подобной квалификации. Однако такие политические сигналы нередко влекут за собой пересмотр, причем достаточно глубокий, господствующих в том или ином государстве правовых взглядов и официальных доктрин².

Но обо всем по порядку. Прежде всего хотелось бы коротко остановиться на том, как террористическая проблематика рассматривается в правозащитных органах системы Организации Объединенных Наций.

Автор уже упомянул о принятии на ежегодных сессиях Комиссии ООН по правам человека трех важных антитеррористических резолюций. Базовой является, безусловно, «Права человека и терроризм»³.

² В частности, в 1997 году автор уже писал о том, как захват террористами здания Посольства Японии в Перу подтолкнул западные страны к переоценке своей позиции по уже упомянутой резолюции Комиссии ООН по правам человека «Захват заложников». Если до этого они утверждали, что захват заложников никак не может рассматриваться в правозащитном контексте, то после событий в Лиме они попытались стать соавторами соответствующего текста на Комиссии. В беседах же с представителями российской делегации они прямо ссылались на «изменившуюся в мире обстановку». По этому вопросу см.: Резолюции 53-й сессии Комиссии ООН по правам человека. Вступительный комментарий Г.Е. Лукьянцева // Московский журнал международного права. 1997. № 3. С. 204-210.

³ Резолюция 2001/37 «Права человека и терроризм», принятая 23 апреля 2001 г. в ходе 57-й сессии Комиссии ООН по правам человека. См. в Докладе Комиссии по правам человека о работе ее пятьдесят седьмой сессии (19 марта-27 апреля 2001 г.), документ ООН E/CN.4/2001/167 от 8 октября 2001 г. С. 233-238.

В тексте этого документа, в частности, подчеркивается необходимость «дальнейшего укрепления международного сотрудничества ... в целях предупреждения терроризма, борьбы с ним и его ликвидации во всех его формах и проявлениях, где бы и кем бы он ни осуществлялся». Выражается убежденность, что терроризм «не может быть оправдан ни при каких обстоятельствах, в том числе как средство поощрения и защиты прав человека» (курсив мой – Г.Л.). Резолюция подтверждает, что «все меры по борьбе с терроризмом должны строго соответствовать международному праву, в том числе международным стандартам в области прав человека». Члены Комиссии также заявили «о своем безоговорочном осуждении всех актов, методов и практики терроризма... как актов, направленных на уничтожение прав человека, основных свобод и демократии, которые ставят под угрозу территориальную целостность и безопасность государств, дестабилизируют законно сформированные правительства, подрывают плюралистическое гражданское общество и законность и имеют отрицательные последствия для социально-экономического развития государств».

Однако наиболее важным положением (с точки зрения настоящей статьи) следует признать предпоследний пункт преамбулярной части резолюции, в котором выражается серьезная обеспокоенность «грубыми нарушениями прав человека, которые совершаются террористическими группами». Именно данная формулировка из года в год порождает острые споры в Комиссии между сторонниками традиционных взглядов на эту проблему (в основном это западные государства) и теми, кто выступает за более гибкий подход к вопросу о том, кто же может являться нарушителем прав человека (большинство развивающихся стран, а также Россия). Данная проблема еще будет затронута в нынешней работе. Сейчас же хотелось бы ограничиться напоминанием о том, что согласно классической правозащитной концепции нарушителями прав человека могут признаваться только государства и их официальные представители (скажем, сотрудники правоохранительных органов и т.д.). Результатом разногласий по этому важнейшему для всей теории прав человека вопросу является отсутствие консенсуса по данной резолюции, вследствие чего она принимается голосованием⁴.

⁴ В частности, в ходе последней, 57-й, сессии Комиссии ООН по правам человека она была принята 33 голосами «за» (Россия, Китай, Индия, Пакистан, Алжир, Куба и др.) при 14 голосах «против» (США, Канада, страны Евросоюза и Восточной Европы) и 6 воздержавшихся (Япония, ЮАР, Южная Корея и др.).

Здесь следует оговориться, что, несмотря на внушительную поддержку алжирского проекта («за» него голосует почти две трети членов Комиссии), нельзя говорить о тождестве взглядов всех голосующих за него государств. Скажем, Индия и Пакистан являются соавторами данной резолюции, однако каждая из этих стран имеет свои основания поддерживать этот текст, а в понятие терроризма они вкладывают порой совершенно разный смысл.

Что касается российской резолюции «Захват заложников»⁵, то она выдержана в куда более нейтральных тонах в том, что касается упомянутого выше вопроса о возможных нарушителях прав человека. Иначе говоря, в ней нет ничего, что позволяло бы однозначно трактовать эту проблему в том или ином ключе. Так, в пункте 1 постановляющей части подтверждается, что «захват заложников, где бы и кем бы он ни осуществлялся, представляет собой *противозаконный акт, направленный на уничтожение прав человека*, и не может быть оправдан ни при каких обстоятельствах, в том числе как средство поощрения и защиты прав человека» (курсив мой – Г.Л.). Подобная осторожность вызвана прежде всего стремлением избежать голосования при принятии данной резолюции. Действительно, если бы в выдвигаемой Российской Федерацией инициативе содержалось положение, аналогичное упомянутому выше из алжирского текста, раскол между членами Комиссии, как представляется, был бы неизбежен.

При этом сама российская делегация достаточно четко выразила свои взгляды по рассматриваемой проблеме. В ходе последней сессии Комиссии ООН по правам человека в заявлении в связи с проектом резолюции «Права человека и терроризм» представитель России сказал, в частности, следующее:

«Мы считаем, что Комиссия ООН по правам человека должна послать четкий сигнал осуждения тем, кто практикует террористические акты в любой части мира. Кроме того, необходимо со всей определенностью заявить о том, что совершаемые террористами действия являются вопиющим нарушением прав человека, которое не может быть оправдано никакими причинами или предлогами.

В этой связи российская делегация хотела бы выразить удовлетворение тем фактом, что формулировки настоящего проекта резолюции

⁵ Резолюция 2001/38 «Захват заложников», принятая 23 апреля 2001 г. в ходе 57-й сессии Комиссии ООН по правам человека. См. в Докладе Комиссии по правам человека о работе ее пятьдесят седьмой сессии (19 марта-27 апреля 2001 г.), документ ООН E/CN.4/2001/167 от 8 октября 2001 г. С. 238-240.

являются подтверждением современной и прогрессивной по своему характеру международно-правовой концепции, согласно которой негосударственные агенты, так называемые “Non-State Actors”, могут признаваться нарушителями прав и свобод человека»⁶.

Что же касается кубинской резолюции «Использование наемников как средство нарушения прав человека и противодействия осуществлению права народов на самоопределение»⁷, то она сфокусирована в основном именно на негативных аспектах наемничества для реализации права на самоопределение. Как следствие, выдвигаемый Кубой текст так же, как и российский проект, не содержит четкого ответа на вопрос о том, кто же может являться нарушителем прав и свобод человека. Лишь в последнем преамбулярном пункте выражается убежденность, что наемники и связанная с наемниками деятельность «являются препятствием на пути осуществления народами своих прав человека». То есть речь идет не об индивидуальных (первое и второе поколения прав человека), а о коллективных (третье поколение) правах человека. Как известно, далеко не все государства в мире в принципе признают концепцию коллективных прав, хотя именно право на самоопределение закреплено, в частности, в обоих Пактах о правах человека. В результате при голосовании мы наблюдаем приблизительно ту же картину, что и при принятии алжирской антитеррористической резолюции⁸.

Таким образом, несмотря на достаточно большое внимание, уделяемое Комиссией по правам человека проблематике борьбы с терроризмом, следует сделать вывод об отсутствии единства взглядов среди ее членов на соотношение прав человека и терроризма. В частности, разногласия по вопросам о том, кто же может быть нарушителем прав и свобод человека, а также является ли терроризм таким нарушением

⁶ См.: Summary records of the 72nd meeting of the 57th session of the Commission on Human Rights. Geneva, 23 April 2001.

⁷ Резолюция 2001/3 «Использование наемников как средство нарушения прав человека и противодействия осуществлению права народов на самоопределение», принятая 23 апреля 2001 г. в ходе 57-й сессии Комиссии ООН по правам человека. См. в Докладе Комиссии по правам человека о работе ее пятьдесят седьмой сессии (19 марта-27 апреля 2001 г.), документ ООН E/CN.4/2001/167 от 8 октября 2001 г. С. 48-51.

⁸ В ходе 57-й сессии Комиссии ООН по правам человека она была принята 35 голосами «за» (Россия, Китай, Индия, Пакистан, Алжир, Куба и др.) при 11 голосах «против» (США, Канада, Япония, часть стран Евросоюза и Восточной Европы) и 6 воздержавшихся (Южная Корея, Испания, Италия, Португалия, Франция и Саудовская Аравия).

или обычным уголовным преступлением, привело к тому, что некоторые государства в принципе выступают за изъятие данной тематики из повестки дня Комиссии ООН по правам человека и передачу ее целиком и полностью на рассмотрение в VI Комитет Генеральной Ассамблеи ООН.

Проблематику взаимосвязи прав человека и терроризма не обходит вниманием и Подкомиссия по поощрению и защите прав человека (до 2000 года – Подкомиссия по предупреждению дискриминации и защите меньшинств), являющаяся вспомогательным органом Комиссии ООН по правам человека. В частности, в 1997 году этот экспертный орган рекомендовал Комиссии учредить пост Специального докладчика Подкомиссии по правам человека и терроризму и назначить на эту должность г-жу Каллиопи К. Куфу. Данная рекомендация была утверждена Комиссией ООН по правам человека в 1998 году. В обязанности Спецдокладчика входит «проведение всеобъемлющего исследования по вопросу о терроризме и правах человека» на основе подготовленного ранее К. Куфой рабочего документа по этой проблеме. Работа эта на сегодняшний день не завершена. Специфика функционирования института Специальных докладчиков Подкомиссии заключается в том, что они составляют сперва ряд промежуточных документов (докладов) по порученной им проблеме, после чего на их основе выходит уже заключительный доклад. Так, в 1999 году эксперт представила т.н. предварительный доклад, а в 2001 году – т.н. доклад о ходе работы.

По ходу исследования К. Куфа затрагивает практически все аспекты соотношения прав человека и терроризма. По мнению Спецдокладчика, одна из основных проблем, с которой ей пришлось столкнуться при анализе данной темы, заключается в отсутствии в международном праве единого определения терроризма. В то же время имеется огромное количество определений и рабочих формулировок, предложенных учеными и экспертами⁹. Но здесь следует сразу оговориться, что большинство из них являются либо слишком общими и широкими (с тем чтобы не упустить какого-либо возможного толкования терроризма), либо слишком ограниченными и узкими, ориентированными

⁹ См., например, A.P. Schmid. "Political Terrorism: A Research Guide to Concepts, Theories, Data Bases and Literature". Amsterdam, 1983. P. 119-152, где приводится 109 определений терроризма.

в конечном итоге на конкретные террористические акты и поэтому исключаящими широкие толкования. По мнению К. Куфы, «проблема с определением терроризма является, возможно, основным фактором, обуславливающим противоречивость подходов к терроризму, особенно если учесть серьезные политические последствия, с которыми связана задача выработки определения, тем более что термин «терроризм» имеет эмоциональную окраску и несет большую политическую нагрузку»¹⁰.

Действительно, идея разработать и принять всеобъемлющую международную антитеррористическую конвенцию была выдвинута уже давно, однако сам процесс постоянно тормозился из-за кардинальных разногласий между государствами по сути регулируемых в проекте такого договора вопросов.

В частности, одним из наиболее спорных является вопрос о том, кто же может считаться автором террористических актов. Ряд стран исходит из того, что речь должна идти о любых представителях государств, в том числе сотрудниках правоохранительных органов и военнослужащих. Другие страны придерживаются иной позиции.

Пожалуй, одной из наиболее противоречивых является проблема борьбы за национальную независимость и против иностранного или колониального господства. Как известно, этот вопрос особенно близок африканским и мусульманским странам. Поэтому неудивительно, что при выработке своей позиции по вопросам борьбы с терроризмом они выступают против квалификации действий, совершенных в ходе национально-освободительной борьбы, как террористических актов. Так, на двадцать шестой сессии Конференции министров иностранных дел исламских государств, состоявшейся 28 июня-1 июля 1999 года в Уагадугу (Буркина-Фасо), была принята Конвенция Организации Исламская конференция (ОИК) о борьбе с международным терроризмом¹¹. В свете рассматриваемых здесь вопросов интерес представляет пункт (а) статьи 2 Конвенции, предусматривающий следующее: «Борьба народов, в том числе вооруженная борьба против иностранной оккупации, агрессии, колониализма и господства, направленная на освобождение и самоопределение в соответствии с принципами междуна-

¹⁰ Терроризм и права человека. Доклад о ходе работы, подготовленный Специальным докладчиком, г-жой Каллиоппи К. Куфой. Документ ООН E/CN.4/Sub.2/2001/31 от 27 июня 2001 г. С. 11

¹¹ См. документ ООН A/54/637-S/1999/1204 от 11 октября 2000 г.

родного права, не должна квалифицироваться в качестве такого преступления, как терроризм»¹². На своей девятой Конференции на высшем уровне (Катар, 2000) страны – члены ОИК вновь подчеркнули обеспокоенность Организации по поводу того, что существует необходимость в проведении четкого различия между терроризмом и борьбой народа за «национальное освобождение... и избавление от иностранной оккупации и колониального господства, а также за обретение вновь права на самоопределение»¹³.

Справедливости ради следует заметить, что специалистам и экспертам также не чужда склонность клеймить одни виды действий и обелять другие. Можно даже сказать, что среди этих лиц наметилась тенденция смешивать определения с воззрениями и либо квалифицировать в качестве терроризма насильственные действия и агрессивное поведение, против которых они выступают, либо, напротив, отказываться от использования данного термина применительно к тем видам деятельности и тем ситуациям, которые они одобряют¹⁴. Отсюда знаменитая фраза: «Для одного – террорист, а для другого – борец за свободу».

Автор намеренно уделил столько внимания проблемам вокруг определения терроризма, с тем чтобы показать, с какими сложностями сталкивается всякий, кто берется за исследование международно-правовых аспектов этого вопроса. Неудивительно поэтому, что Специальный докладчик Подкомиссии также отказалась от того, чтобы предложить какую-либо фиксированную формулировку. К. Куфа лишь оговорила, что «в будущих докладах ей, возможно, потребуется изучить некоторые рабочие определения с целью более точного разграничения рассматриваемой темы, и в частности определения ее основных аспектов»¹⁵. Также без ответа остался вопрос о том, являются ли тер-

¹² Аналогичное положение содержится в Конвенции Организации африканского единства о предупреждении терроризма и борьбе с ним 1999 года, пункт 1 статьи 3 которой гласит: «... Борьба, которую ведут народы в соответствии с принципами международного права за свое освобождение или самоопределение, в том числе вооруженная борьба против колониализма, оккупации, агрессии и господства со стороны иностранных сил, не должна квалифицироваться в качестве террористических актов».

¹³ OIC, Ninth Summit Conference (Qatar, 2000), Doha Declaration.

¹⁴ См., например: G. Guillaume. "Terrorism et Droit International", Collected Courses of the Hague Academy of International Law. Volume 215 (1989-III). P. 295. G. Wardlaw "Political Terrorism: Theory, Tactics and Counter-Measures". Cambridge University Press, 1982. P. 4-5.

¹⁵ Документ ООН E/CN.4/Sub.2/2001/31 от 27 июня 2001 г. С. 11

рористические акты нарушением прав человека. Вместе с тем, данные моменты отнюдь не умаляют достоинств подготовленных к сегодняшнему дню документов Специального докладчика, в частности Предварительного доклада (Документ ООН E/CN.4/Sub.2/1999/27 от 7 июня 1999 г.) и Доклада о ходе работы (Документ ООН E/CN.4/Sub.2/2001/31 от 27 июня 2001 г.), с которыми автор настоятельно рекомендует ознакомиться всем, кто интересуется рассматриваемой в настоящей статье проблематикой.

И все-таки, насколько правы или заблуждаются те, кто напрямую связывает терроризм и права человека, утверждая, что первое является нарушением второго? После террористических актов 11 сентября 2001 г. в США весьма популярным стал тезис о том, что в тот день было совершено небывалое по своим масштабам нарушение прав человека. Об этом заявил в ООН даже мэрг. Нью-Йорка Р. Джулиани, не подозревая о том, что он прямо противоречит официальной позиции своей страны, озвученной много раз в рамках той же Комиссии ООН по правам человека. Совет Безопасности ООН квалифицировал случившееся как угрозу международному миру и безопасности («как и любой акт международного терроризма») ¹⁶, а Верховный комиссар ООН по правам человека М. Робинсон предложила считать указанные теракты преступлением против мира и человечности ¹⁷.

Взаимосвязь терроризма и прав человека обсуждалась на Всемирной конференции по правам человека в Вене в 1993 году. По итогам обсуждений в принятый на Конференции итоговый документ – Венскую декларацию и Программу действий – был включен пункт 17, отразивший достигнутый в ходе споров компромисс: «Акты, методы и практика терроризма во всех его формах и проявлениях, равно как и его связь в некоторых странах с незаконным оборотом наркотиков, являются деятельностью, *которая направлена на уничтожение прав человека, основных свобод и демократии*, создает угрозу территориальной целостности и безопасности государств и дестабилизирует законные правительства» ¹⁸ (курсив мой – Г.Л.). Заметим, что в тексте

¹⁶ Резолюция Совета Безопасности ООН 1368 (2001) от 12 сентября 2001 г. и 1373 (2001) от 28 сентября 2001 г.

¹⁷ A Human Rights Perspective on the Post-September 11 International Situation. Geneva, 20 September 2001.

¹⁸ Венская декларация и Программа действий, принятая Всемирной конференцией по правам человека 25 июня 1993 г. Документ ООН A/CONF.157/23 от 12 июля 1993 г. С. 7.

написано «которая направлена на уничтожение», а не «которая нарушает».

Выше уже указывалось, что на сессиях Комиссии ООН по правам человека ежегодно разгораются жаркие споры между государствами, придерживающимися традиционной точки зрения по этому вопросу (это прежде всего западные страны), и теми, кто склонен квалифицировать действия террористов в качестве нарушения прав человека. Вместе с тем, даже в рамках общественного мнения в Европейском Союзе нет единой точки зрения по данной проблеме. Так, 16 марта 2000 года Европейский парламент упомянул проблему терроризма в своей резолюции по вопросу об уважении прав человека в ЕС¹⁹. В ней, в частности, подтверждается, «что *терроризм представляет собой одно из нарушений прав человека*»? и подчеркивается важное значение сотрудничества между государствами в деле борьбы с ним, а также необходимость предоставления соответствующего возмещения жертвам терроризма²⁰.

Как сторонники традиционной концепции прав человека, так и те, кто придерживается, если можно так выразиться, более прогрессивной точки зрения, приводят в обоснование своих взглядов достаточно веские доводы. Остановимся на каждой из этих позиций отдельно.

Ни у кого не вызывает сомнений тезис о том, что государства в соответствии со своими международными обязательствами обязаны предпринимать действенные и эффективные меры по поощрению и защите прав человека всех лиц, находящихся под их юрисдикцией. Это закреплено в международных договорах как универсального, так и регионального характера. В тех случаях, когда террористические акты или угрозы их совершения угрожают жизни и безопасности лиц, находящихся под юрисдикцией того или иного государства, долг и обязанность такого государства состоит в обеспечении защиты этих лиц. Не секрет, что подчас государство может оказаться совершенно неспособным действенным образом защитить своих граждан от актов террора. В таких ситуациях имеются основания предположить, что государство либо бессильно (или не в состоянии), либо не желает – или же и то, и другое – контролировать ситуацию, тем самым уклоняясь от своей первейшей обязанности обеспечивать защиту находящимся под его юрисдикцией лицам. Согласно традиционной концепции прав человека, в подобных ситуациях ответственность за акты, совершаемые негосударственными субъектами (т.н. “Non-State Actors”), долж-

но нести само такое государство. Причина – именно оно принимало на себя обязательства в соответствии с международным правом, так как международный договор порождает обязательства для государств, а не для отдельных лиц или групп лиц (в данном случае – террористов). Иными словами, вопросы прав человека касаются лишь правительства и его субъектов по той причине, что соблюдение прав человека является как обязанностью, так и привилегией правительства. Поэтому следует заключить, что к террористам нельзя «прикреплять ярлык» нарушителей прав человека.

Иной точки зрения придерживаются те, кто утверждает, что права человека выходят в настоящее время за рамки традиционной дихотомии «личность против государства» и смещаются в сторону, предусматривающую возникновение обязательств, охватывающих и негосударственные структуры. Как представляется, данный тезис не лишен оснований. Рассмотрим это на конкретном примере.

Статьи 3 и 5 Всеобщей декларации прав человека провозглашают право каждого человека на жизнь, свободу и личную неприкосновенность, а также свободу от пыток и жестокого, бесчеловечного и унижающего достоинство обращения и наказания. Аналогичные формулировки содержатся в пункте 1 статьи 6 и в статье 7 Международного пакта о гражданских и политических правах. Нет сомнений, что положения указанных документов предусматривают позитивные и негативные обязательства государств, а процедуры осуществления Международного пакта о гражданских и политических правах предусматривают действия только в отношении государств. Вместе с тем, представляется очевидным, что отдельные лица или группы лиц также могут действовать в нарушение закрепленных в этом документе прав человека и свобод других лиц, причем в первую очередь прав человека и свобод, затрагивающих жизнь, свободу и достоинство индивида. Наиболее показательным в этой связи является именно пример терроризма, поскольку терроризму сопутствуют не только неуважение человеческой жизни и человеческого достоинства, но и смерть и страдания невинных людей.

Здесь представляется уместным напомнить еще об одном положении, содержащемся в Международном пакте о гражданских и политических правах и в Международном пакте об экономических, соци-

¹⁹ European Parliament, Resolution A5-0050/2000 of 16 March 2000.

²⁰ Ibid. Par. 41-42.

альных и культурных правах. Речь идет об общем для них пункте 1 статьи 5, в которой практически дословно повторяется формулировка статьи 30 Всеобщей декларации прав человека, гласящая, что «ничто в настоящем Пакте не может толковаться как означающее, что какое-либо государство, *какая-либо группа или какое-либо лицо* имеет право заниматься какой бы то ни было деятельностью или совершать какие бы то ни было действия, направленные на уничтожение любых прав или свобод, признанных в настоящем Пакте, или на ограничение их в большей мере, чем предусматривается в настоящем Пакте» (курсив мой – Г.Л.).

Данное положение, однозначно применяемое не только к государствам, но и к группам и отдельным лицам, запрещает нарушения прав человека²¹. Оно запрещает злонамеренное и неправомерное использование международных пактов в качестве предлога для нарушения прав человека и в этой связи приобретает важное значение для целей исследования проблемы терроризма и прав человека, поскольку хорошо известно, что отрицание или умаление закрепленных в международных пактах и во Всеобщей декларации прав и свобод человека путем совершения неприемлемых действий и злоупотреблений под предлогом защиты прав человека относится к числу методов, к которым нередко прибегают террористы, будь то отдельные лица или группы лиц.

В трудах европейских юристов можно встретить такой термин, как *Drittwirkung*²². Существуют два определения этого понятия. Согласно первому, *Drittwirkung* означает, что положения, касающиеся прав человека, в равной степени применимы как в правовых отношениях между частным лицом и государственной властью, так и в правовых отношениях между частными лицами. Согласно второму, *Drittwirkung* означает возможность для частного лица в судебном порядке защитить свое право, нарушенное другим частным лицом. Наиболее часто на *Drittwirkung* ссылаются при исследовании Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г. Несмотря на то, что

²¹ См., например: P. Sieghart. "The International Law of Human Rights". Oxford, 1990. P. 105, а также T. Opsahl. "Articles 29 and 30: the Other Side" in "The Universal Declaration of Human Rights: A Commentary" (edited by A.Eide, G.Alfredsson, G.Melander, L.A.Rehof and A.Rosas). Oslo, 1992. P. 465.

²² См., например: E.A. Alkema. "The Third-Party Applicability or "Drittwirkung" of the European Convention on Human Rights" in "Protecting Human Rights: The European Dimension". Koln, 1988. P. 33-45. P. Van Dijk, G.J.H. Van Hoof. "Theory and Practice of the European Convention on Human Rights". Deventer, 1990. P. 15-20.

контрольные органы данной Конвенции (Европейская Комиссия по правам человека, прекратившая свое существование через год после вступления в силу Протокола № 11 к Конвенции, а также Европейский Суд по правам человека) настоятельно воздерживались от того, чтобы прямо признать применимость положений Конвенции к отношениям между частными лицами, в некоторых своих решениях они не смогли удержаться от отдельных «обнадеживающих» высказываний. Это относится, в частности, и к рассматриваемой в настоящей статье проблеме. Так, в постановлении Европейского Суда по правам человека по делу Ирландия против Соединенного Королевства говорится следующее:

«Суду нет необходимости знакомиться со всеми аспектами трагического положения, существующего в Северной Ирландии. Например, он не обязан принимать решения относительно террористической деятельности в шести округах, осуществлявшейся отдельными лицами или группами, – *деятельности, которая явно противоречит правам человека*»²³.

Из всего вышесказанного можно сделать следующий вывод. Взаимосвязь терроризма и прав человека является очевидной. В то же время в отношении применимости и адекватности норм международного права, в частности международного права прав человека, к террористической деятельности негосударственных субъектов возникает ряд вопросов. Прежде всего речь идет о том, что частные лица и группы частных лиц, строго говоря, не связаны правовыми нормами, соблюдение которых контролируется механизмами, созданными и функционирующими в соответствии с международными договорами в области прав человека. В то же время ничто не препятствует тому, чтобы государства распространили действие правозащитных норм на отношения между частными лицами в рамках собственных правовых систем (что, собственно, уже сделано в ряде европейских стран). В последнем случае, как представляется, будут все основания при определенных обстоятельствах однозначно квалифицировать террористические акты в качестве нарушений прав человека.

В целом же следует отметить, что реальности, связанные с нарушениями прав человека негосударственными субъектами, в том числе

²³ Решение от 18 января 1978 г. по делу Ireland vs. United Kingdom, Series A: Judgments and Decisions, Volume 25 (1978), paragraph 149.

занимающимися террористической деятельностью, все труднее вписываются в традиционную правозащитную концепцию, построенную по принципу «государство – личность». В этой связи, безусловно, потребуется некоторое переосмысление и переоценка классических постулатов, в том числе в сторону признания возможности того, что террористические акты могут квалифицироваться как нарушения прав человека.